

Моей матери, Маргарет П. Аргенбрайт,
с глубочайшей благодарностью и любовью,
а также светлой памяти моего отца,
Филмора А. Аргенбрайта

Список иллюстраций

Ил. 0.1. Административные округа Старой Москвы

Карта-схема автора

Ил. 0.2. Районы Центрального административного округа

Карта-схема автора

Ил. 3.1. Апартаменты в Малом Козихинском переулке, 11

Фото автора

Ил. 4.1. «Созидательное разрушение» являлось неотъемлемой частью лужковской «московской модели»

Фото автора

Ил. 5.1. Снос гостиницы «Москва» в 2004 году

Фото автора

Ил. 5.2. После пожара уцелели лишь наружные стены Манежа

Фото автора

Ил. 6.1. Фасад дома Привалова. 2015

Фото автора

Ил. 6.2. Шуховская башня. 2015

Фото автора

Ил. 7.1. Бутово — 2006: «Закон один для всех», «Сила — не аргумент», «Это наша земля!»

Фото автора

Ил. 7.2. Противницы уплотнительной застройки. 2007

Фото автора

Ил. 7.3. Точечная застройка в Щукине. 2007

Фото автора

Ил. 7.4. Митинг градозащитников. 2009

Фото автора

Ил. 7.5. Вход градозащитников на митинг через металлодетекторы. 2009

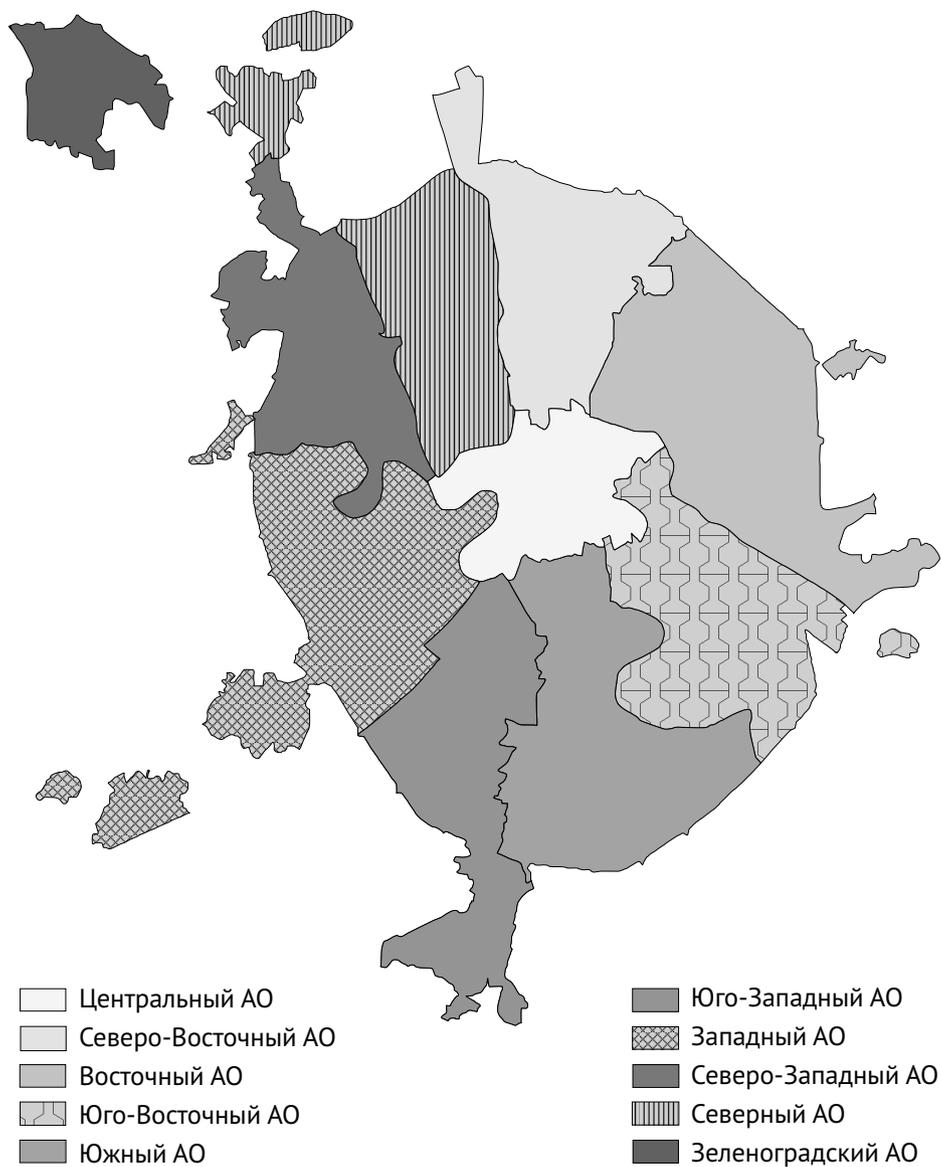
Фото автора

Ил. 7.6. Новая церковь в Юго-Западном административном округе. 2015

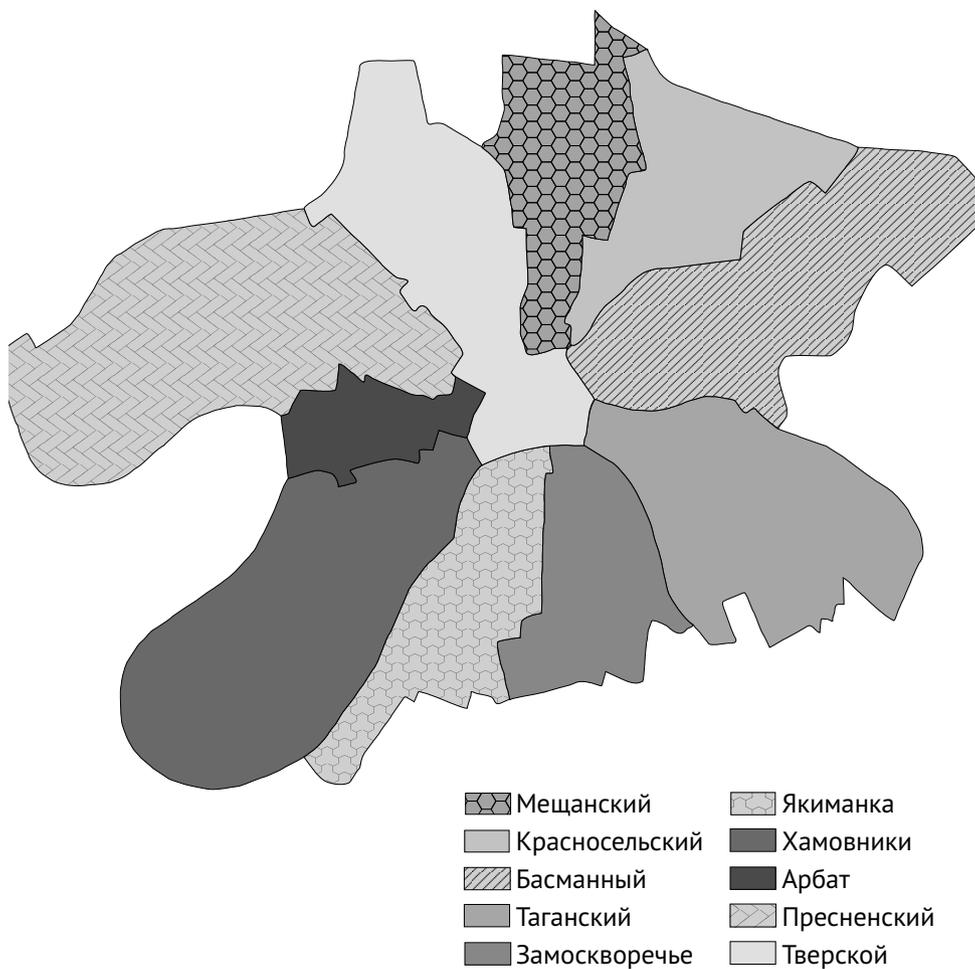
Фото автора

Ил. 7.7. Плакат сторонников сохранения Парка Торфянка. 2015

Фото автора

Ил. 0.1. Административные округа Старой Москвы

Ил. 0.2. Районы Центрального административного округа

Благодарности

Сумбурный проект, из которого родилась эта книга, возник около 20 лет назад, в один солнечный московский день, когда меня осенило, что, наряду с исследованием исторических документов, я мог бы заняться изучением современной трансформации города. С тех пор проект разросся, словно выйдя из-под контроля. Все это время многие люди комментировали мою работу на конференциях и в частных беседах. Я признателен каждому за попытку помочь мне, хотя в преддверии старческого слабоумия всех имен не припомню. Прошу прощения за свою забывчивость и благодарю вас всех.

Мне потребовалось бы на несколько лет больше, чтобы завершить эту работу, если бы в 2013 году Национальный совет евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER) не присудил мне грант Национального конкурса научных исследований, средства на который выделяет Государственный департамент США в соответствии с разделом VIII Закона о советских и восточноевропейских исследованиях и подготовке кадров 1983 года, в действующей редакции. NCEEER не несет ответственности за анализ и интерпретации, представленные в этой книге. Я выражаю благодарность Джули Баклер, Моне Домош, Владимиру Колосову, Бет Митчнек и Джону О'Лафлину, поддержавшим мои усилия по получению гранта на данный проект.

Работая в Университете Северной Каролины в Уилмингтоне (UNCW), я дважды удастаивался гранта на летний научно-исследовательский проект — в 2001 и 2006 годах. Кроме того, в осеннем семестре 2002 года я получил в UNCW грант на научное перепрофилирование (весьма напоминавшее академический отпуск). Впоследствии я был приятно удивлен тем, что никто, кажется, не возражал, чтобы я работал над данным проектом, а не над историческим исследованием, упомянутом в моем заявлении на грант.

Возможно, меня бы не приняли на работу в UNCW, если бы не поддержка Сьюзен Маккафрэй с исторического факультета. На

протяжении многих лет она оказывала огромное влияние на мои представления о России и была мне бесценным другом. Я благодарю Майкла Сайдмена, также сотрудника исторического факультета UNCW, за интеллектуальную поддержку, за вдохновение, которое я черпал в наших с ним беседах, и его вдумчивую деятельность. Кроме того, я благодарен Элизабет Хайнс, Дэвиду Блэйку и другим доброжелательным коллегам с факультета географии и геологии, или как он там сейчас называется, которым (обычно) удавалось сохранять невозмутимый вид, когда я распространялся о своей нескончаемой работе над книгой.

Я чрезвычайно обязан бывшему декану Колледжа поведенческих и социальных наук Университета Юты Дэвиду Радду за своевременную и бескорыстную поддержку. Не знаю, что бы я без него делал. Также я очень благодарен декану Синтии Берг за то, что эта поддержка продолжается и ныне.

Как говорилось выше, я представлял различные части своего исследования на многих научных конференциях. Разворачивавшиеся дискуссии оказались весьма полезны, и я благодарю всех, кто комментировал мой труд. Особенно рад, что мне довелось неоднократно работать с Меган Диксон и Екатериной Макаровой. Кроме того, один из моих докладов подверг доскональному разбору на конференции 2006 года Блэр Рубл, за что я ему очень признателен.

Было чрезвычайно приятно работать с Брайаном Хиллом и Эриком Кунцманом из «Лексингтон букс». Помимо этого, я весьма ценю пронизательный и полезный отзыв анонимного ученого.

В Москве я извлек огромную пользу из бесед с Екатериной Бычковой и Машей Липман. Также я крайне признателен своим друзьям-географам Виктории Битюковой, Владимиру Колосову и Ольге Вендиной. Все они были очень великодушны. Искренне благодарю и своих друзей-негеографов, очень много сделавших для того, чтобы помочь мне понять московскую жизнь: Константина и Татьяну Гросицких, Надежду Малофееву, Наталью Никифорову, Елену Платонову, а также Зарифу и Станислава Богословских.

Наконец, я безмерно благодарен любви всей моей жизни, товарищу и жене — Патрисии Кериг.

Глава первая

Обустройство города

В данной работе исследуются рост локального противодействия практике хищнической реконструкции Москвы и последовавшие за ним перемены в системе городского управления. Говоря точнее, активисты, о которых идет речь в этой книге, занимались защитой домов, кварталов, архитектурных памятников и исторических районов. Борьба за подобные объекты велась людьми, которые не ставили своей первоочередной целью построение гражданского общества или углубление демократизации. Градозащитники и возмущенные москвичи самоорганизовывались в «инициативные группы» и «общественные объединения», чтобы отстаивать конкретные городские памятники, высказывать свое мнение об изменении облика столицы и влиять на процесс планирования. Таким способом москвичи добивались «права на город», по крайней мере в своих районах, но чаще всего — в масштабах города.

В рассказе о московских градозащитниках должно найтись место их партнеру, а зачастую и противнику в процессе обустройства городской среды — мэрии. Бывший мэр столицы Ю. М. Лужков возглавил «редевелоперскую машину», которая изменила облик Москвы столь масштабно и кардинально, что заслужила сравнение со сталинской эпохой. Деятельность Лужкова приводила в негодование представителей всех слоев общества и жителей большинства городских районов. К 2010-му, году своей отставки, он был широко известен не только как коррумпированный, но и как равнодушный чиновник. Новый мэр С. С. Собянин при назначении на пост столкнулся с серьезными трудностями,

не последней из которых стало завоевание доверия скептически настроенных москвичей. Возможно, больше всех были ожесточены активисты-градозащитники, однако Собянин с самого начала работал над тем, чтобы поставить отношения между «градостроителями» и «градозащитниками» на новую основу.

Политическая борьба за среду обитания зачастую меняет людей, порядки и установления. Градозащитники учатся и адаптируются; в процессе противостояния они до известной степени перековываются, становясь более сознательными и полезными гражданами. Таким образом, утверждаю я, эти люди создают гражданское общество, точнее, запускают процесс его формирования. Однако это не может происходить в вакууме. Как говорится ниже, я согласен с С. Грином, который рассматривает «создание гражданского общества как совместную деятельность общества и государства» [Greene 2014: 56]. Как показали Грин и другие исследователи, на практике воспитание гражданского общества не является для российского правительства приоритетом, вопреки его публичным заявлениям¹.

Тем не менее правительство российской столицы, поначалу с раздражением и неохотой, приступило к взаимодействию с группами возмущенных жителей. В последние годы мэрия действительно систематически открывала двусторонние каналы связи с москвичами и даже, хотя и в меньшей степени, поощряла их участие в управлении.

Пусть реформы еще не сделали столицу России мировым лидером в области демократического городского управления, однако дали ощутимые результаты. Активность горожан вместе с положительными изменениями в управлении превратила Москву в другой город — другой по существу, а не только внешне, как потемкинские деревни. Это важно в первую очередь потому, что Москва — столица страны, по-прежнему играющей значи-

---

¹ Впрочем, Г. Робертсон убедительно доказывает, что, осуществляя меры, направленные на «лицензирование» гражданского общества, «Кремль может непреднамеренно помочь созданию в России более прочной основы для демократического развития» [Robertson 2011: 217].

тельную роль на международной арене. Население Москвы — 12 000 000 жителей (по официальным данным) — больше, чем в половине стран мира. Остальные россияне громко сетуют на подавляющее господство столицы, но вместе с тем завидуют ей и нередко подражают ее нововведениям. Более того, нынешнее положение дел — сложный процесс, который для краткости можно было бы назвать «либерализацией», — радикально контрастирует с политической траекторией путинского государственного режима. Полностью объяснить этот парадокс я не в силах, не в последнюю очередь потому, что для этого потребовался бы доступ к внутрикремлевским дискуссиям. Тем не менее в данной книге будет детально показано, что градозащитные движения Москвы и реформирование городского управления расходятся с тем образом России, который существует сегодня у нас на Западе.

Остальная часть этой главы посвящена общим теоретическим вопросам, в частности проблемам обустройства среды обитания (place-making), составляющим основу настоящего исследования. Глава вторая построена на предварительном обсуждении прагматического подхода, а также его противопоставлении подходу «транзитологическому», сосредоточенному на перспективах «смены режима» в России. В нее же, чтобы проиллюстрировать, как вопросы, поставленные в этой книге, обрели для меня личное значение, я включил краткий «путевой дневник» поездок, в результате которых сделался сознательным прагматиком. Глава третья представляет собой краткий разбор конкретной ситуации, рассмотренной более подробно, чем другие примеры, упомянутые в книге. Его цель — как можно полнее продемонстрировать сочетание «несоизмеримостей», которые создают разногласия в сфере обустройства среды обитания. Главы с четвертой по шестую посвящены конфликтам и сотрудничеству «градостроителей» и «градозащитников», сторонников реконструкции и консервации; главы четвертая и пятая фокусируются на эпохе Лужкова, шестая — на времени правления Собянина. В главе седьмой исследуется другой тип локальной оппозиции редевелопменту — борьба за сохранение рядовой застройки. Градо-

строительные конфликты этой разновидности также способствовали реформированию городского управления и становлению гражданского общества в Москве. В последней главе представлены заключительные выводы.

Прагматический взгляд на урбанистику

Не существует наилучшего способа создания теорий; есть различные способы находить, осмысливать и передавать другим, приводящие к разным результатам, — и различные подходы к политике [Beauregard 2012: 476].

В следующем разделе я подробно остановлюсь на прагматической теории обустройства среды обитания, положенной в основу моего исследования процесса реконструкции Москвы. И здесь же попытаюсь показать иные подходы, то есть, опираясь на обстоятельный труд Р. Борегарда по городской теории, сопоставлю свою точку зрения с другими, которые, возможно, лучше известны исследователям города и урбанистики.

Борегард, утверждавший, что «то, как мы размышляем о мире, столь же важно, если не важнее, чем то, что мы думаем о нем», внес существенный вклад в развитие городской теории, выделив и сопоставив четыре «типа теоретизирования» [Beauregard 2012: 474–475]. Следует отметить, что на практике довольно редко можно найти работу, которая в чистом виде служит примером одного типа, не демонстрируя никаких черт другого или других типов. Целью Борегарда было установить основные и часто используемые «способы познания». Я использую классификацию Борегарда в основном для того, чтобы проиллюстрировать, чего я старался не делать, разъясняя тем самым, что я сделал или, во всяком случае, предполагал сделать. Здесь я изменил последовательность разбора, чтобы сначала рассмотреть две категории, наиболее заметно отличающиеся от моего подхода, прежде чем перейти к двум остальным, которые требуют более подробного анализа.

Борегард начинает с «большой теории», которая использует несколько «точно определенных понятий и строгих зависимостей <...> чтобы ухватить внутреннюю логику исследуемого объекта». Это позитивистский подход в том смысле, что «данные отражают реальность <...> без смещения одного относительно другого» [Beauregard 2012: 477]. Наглядный пример «большой теории» — попытка разработать всеобъемлющую «науку о городе» [Batty 2013]. Данный подход, использующий для отображения городских сетей и потоков модели транспорта и землепользования, демонстрирует красноречивые и потенциально полезные результаты. Но город, разумеется, — это далеко не только сети и потоки, не только то, что можно точно охарактеризовать. М. Бэтти, к его чести, в заключительной части своей книги «Новая наука о городах» признает этот тезис:

Более агрегированные подходы к изучению городов, например основанные на транспортно-землепользовательских моделях, не слишком хорошо стыкуются с дезагрегированными моделями, задействующими отдельных лиц и агентов <...> Макроэкономические подходы, в отличие от микроэкономических, предполагают различные взгляды на городскую систему, в то время как многие типичные процессы имеют отчетливые последствия, которые не так легко измерить и смоделировать. Короче говоря, многие важные аспекты городов трудно исследовать с помощью применяемых здесь методов и инструментов [Batty 2013: 459].

Это особенно верно, когда думаешь не об «отдельных лицах и агентах», а о людях, эмоционально привязанных к местам, уникальность которым в значительной степени придает вышеупомянутая личная привязанность. Люди здесь живут; это не взаимозаменяемые «второстепенные места», которые можно «за-местить» [Sack 1997: 32]. Места, которые защищают москвичи, — общие; они отличны от «не-места», где люди испытывают «одиночество индивидуальности, объединенное с взаимодействиями между индивидом и властью общества, лишенными человеческого посредника» [Оже 2017: 132]. Они состоят из «несоизмери-

мых» людей и обстоятельств и связаны с ними. Кроме того, людей, которые настолько привязаны к этим местам, что борются за них, сопротивляясь вмешательству государства, нельзя «точно определить», потому что через активное противодействие они изменяют себя, обретая новые понятия и возможности.

Следующая категория, выделенная Борегардом, — «интертекстуальность»: интертекстуальное исследование направлено на то, чтобы «установить несоответствия, выявить различия и сходства и расширить наше понимание посредством критики» [Beauregard 2012: 482]. Известный пример интертекстуального теоретизирования — работа К. Таджбахша «Обещание города» [Tajbakhsh 2001]. Внимательно изучив труды М. Капельсона, Д. Харви и А. Кацнельсона, Таджбахш стремится «исследовать несоостоятельность наиболее значительных откликов на критику классового редукционизма и продолжать предлагать альтернативные способы видения идентичности, структуры и пространства, которые лишены этих недостатков» [Tajbakhsh 2001: 4].

В настоящем исследовании, как и во всех научных работах, цитируются труды, тематически связанные с рассматриваемыми вопросами и проблемами, однако основное внимание в книге уделено описанию и интерпретации определенных типов конфликтов и изменений в Москве. Я не пытаюсь создать теорию из теории. «Есть различные способы», и интертекстуальность — не мой способ, но из многочисленных работ этого направления я почерпнул немало полезного. Например, недавно К. Барнетт и Г. Бридж выдвинули интертекстуальный аргумент в защиту «агонистического прагматизма», который повлиял на мои представления о демократической политике [Barnett, Bridge 2013]. Еще один пример — «Странные места» А. Когл [Kogl 2008] — выдающееся, большей частью интертекстуальное исследование «политических потенциалов и угроз повседневных пространств», если цитировать подзаголовок книги.

Третья категория — критическая теория — занимает важную позицию во всех общественных науках, включая городскую географию и планирование. Общественно-научная критическая теория многим обязана марксизму и обладает по меньшей мере

несколькими достоинствами и недостатками своего родоначальника. Как объясняет Борегард, «задача критической теории — отделить то, что произошло, от того, что потенциально могло бы произойти» [Beauregard 2012: 481]. В этом отношении «разрыв между действительностью и потенциальностью — то, что отделяет общество, какое оно есть, от того, каким оно могло бы быть» [Beauregard 2012: 479].

Хотя критическая теория, как и марксизм, порой претендует на большую научность по сравнению с другими подходами, она, как правило, полностью отвергает позитивизм. Однако необходимость этого не очевидна. Можно отвергнуть аргумент позитивизма, что «то, что действительно существует, есть все, что может существовать» [Beauregard 2012: 479], не впадая в противоположную крайность — взгляд на материальную действительность как на состоящую только из «видимостей» или «инстанциаций». Можно стремиться изменить мир по многим веским причинам, но отправная точка должна существовать здесь и сейчас, где простые факты, или «конъюнктуры», могут быть жизненно важными. Вопреки гениальному К. Марксу никакого противоречия между «истолкованием» и «изменением» мира быть не должно.

...никто никогда не видел политической экономики <...>
 Политико-экономическая система — лингвистическое понятие, созданное на основе умозаключений и используемое для описания совокупности взаимоотношений, которую мы можем постичь лишь частично [Fischer 2009: 58].

С точки зрения прагматиста значительная часть работы, проделанной под знаменем критической теории, обладает тремя существенными недостатками. Во-первых, рассуждения зачастую оказываются чрезмерно дедуктивными и редутивными, если не откровенно тавтологичными. Дж. Дьюи сетовал, что «подобные теории просто-напросто выставляют под именем так называемых причин те явления, которые как раз и требуют объяснения» [Дьюи 2002: 11]. Прибегну к упрощению, чтобы подкрепить это утверждение. Основной критический аргумент слишком

часто напоминает следующую логическую цепочку: глобализация (или какой-то иной «социальный фактор», который можно только вообразить во всей его полноте) — причина всех значимых событий; здесь мы сквозь призму теории глобализации демонстрируем, что значимые события безусловно являются продуктами глобализации; следовательно, глобализация — причина всех значимых событий.

Второй недостаток состоит в том, что «потенциальность», к достижению которой стремится критическая теория, понимается слишком узко и расплывчато. Это цель, основанная на смутном представлении о другом общественном строе и обозначенная в первую очередь отсутствующими (эксплуатация, подавление и т. д.), а не наличествующими чертами². Зачастую критическая теория весьма умело освещает отрицательные стороны мира, притом что ее представления о положительном на редкость невыразительны. Иногда положительное прямо противоположно отрицательному. Однако такое понятие, как «свобода от эксплуатации», бессодержательно. Звучит прекрасно, но что же на самом деле? Когда конечная цель состоит из одних лишь лозунгов, невозможно разработать способы ее достижения, которые сами могли бы подвергнуться критическому изучению. Если же средства достижения цели нельзя всесторонне проанализировать, то все усилия по построению лучшего мира могут пойти насмарку, как произошло, например, в Кампучии. Прагматизм, напротив, предусматривает разбор последствий деяния до его совершения [Дьюи 2002; Dewey 1993: 230–233].

Критическая теория «радикальна» в том плане, что она стремится изменить общество вплоть до его предполагаемых истоков. Отсюда третий недостаток, заключающийся в том, что критическая теория часто усваивает инструментальный, и в конечном счете презрительный взгляд на изменения, которые не являются революционными. Д. Харви ставит вопрос: «Почему “право на город” не может стать ключевым мобилизующим лозунгом для

---

² См., например, «диалектический утопизм» Д. Харви, в частности, его видение будущего общества — «Эдилию» [Harvey 2000].

антикапиталистической борьбы?» [Harvey 2012: 136]. На ум приходят два ответа. Во-первых, у жителей, отстаивающих право на свой город, может не хватать времени и ресурсов, чтобы заниматься политикой более серьезно. Во-вторых, люди, вовлеченные в городскую политическую борьбу, могут воспринимать свое дело иначе, чем последователи критической теории, рассматривающие его извне; очень часто активисты считают, что борются за «справедливость». В случае победы они скорее всего, ощутят, что обрели уверенность и улучшили свою жизнь. Они вполне могут удовлетвориться и этим, по крайней мере до тех пор, пока не появится очередная невыносимая несправедливость. Но для критической теории этого было бы недостаточно. «...Мы не можем обойтись без понятия справедливости по той простой причине, что ощущение несправедливости исторически являлось одним из мощнейших стимулов для стремления к социальным переменам» [Harvey, Potter 2009: 41]. Многие люди боролись за справедливость ради нее самой. Победа над несправедливостью — это и есть социальная переменка, если не «стремление» к (действительно значительным) социальным переменкам.

Последняя категория в классификации Борегарда — «эвристические теории», которые представляют собой «перечни значимых факторов, подлежащих рассмотрению; другое определение — разнообразие подходов» [Beauregard 2012: 481].

Цель — направлять теоретика, а необходимый навык — отбирать те факторы (эвристические установки), которые отражают ключевые процессы и условия рассматриваемого городского феномена <...> Это зачастую принимает интерпретативную форму, когда теоретик берется за поиски понимания (*verstehen*), а не причинной обусловленности. Данное понимание нередко может перемещаться в область политики и, таким образом, связывает эвристическое теоретизирование с критическим [Beauregard 2012: 481].

В этом отношении классическим примером является статья Ш. Арнштейн «Лестница гражданского участия» [Арнштейн 2002]. Рассматриваемая лестница состоит из ступеней, которые

должны попытаться преодолеть граждане, в частности неимущие и малообеспеченные городские жители, чтобы добиться большего участия в городском управлении. Ступени от низшей (наименьшая власть) до высшей (наибольшая власть) наименованы: «манипулирование», «психотерапия», «информирование», «консультирование», «умиротворение», «партнерство», «делегирование полномочий», «гражданский контроль». Конечно, «гражданский контроль» звучит лучше, чем «манипулирование», но, возможно, следовало бы проконсультироваться с людьми, о которых идет речь, относительно того, чего они хотят на самом деле и сколько времени и энергии готовы на это выделить. Возможно, граждане предпочли бы некую форму «достаточно хорошего управления» (*good enough governance*) [Grindle 2004; Grindle 2007; Grindle 2012] и в этом случае могли бы осуществлять надзор и право на участие по мере необходимости, не принимая на себя функции «гражданского контроля».

Не так давно С. Файнштейн выдвинула концепцию «справедливого города» и гораздо более определенно, чем это обычно бывает в случае с критическими теориями, указала, как именно следует поступать в отношении конкретных проблем [Fainstein 2010: 172–173]. Она считает эти цели достойными, независимо от того, вносят они заметный вклад в преобразование глобальной политико-экономической структуры или нет. Файнштейн опирается в рассуждениях на реальный пример Амстердама. Я почти не сомневаюсь, что те программы, которые она пропагандирует, позволят улучшить положение большинства городских жителей мира. С другой стороны, я прожил большую часть жизни на Западе. Можно ли утверждать, что ценности, воплощенные в политических методах и институтах Амстердама, годятся для остального мира? [Novy, Mayer 2009; Robertson 2006]. Или, говоря точнее, как можно оценивать город? Может ли существовать список обязательных ценностей или образцовый город, устанавливающий стандарты для всех прочих? И здесь я вновь настаиваю, что наша главная забота должна заключаться в том, чтобы понять, как оценивают город сами его жители, и лучший способ сделать это — понаблюдать, что они готовы сделать и чем пожертвовать,

чтобы привести место своего проживания в соответствие с собственными ценностями и устремлениями. Этот подход согласуется с точкой зрения Дьюи:

Достигнутое нами понимание может служить критерием того, насколько хорошим или плохим является каждое конкретное государство, то есть оно позволяет нам установить, в какой степени чиновники данного государства способны выполнять функцию защиты интересов общества [Дьюи 2002: 28].

Жизнь как череда обустраиваемых мест

Географов, вероятно, мало интересует социальная морфология как таковая. Социологов, в свою очередь, она очень интересует. Географов, как и историков, традиционно интересует больше действительное, чем типическое. Где действительно располагаются вещи? Что действительно произошло? Вот вопросы, на которые пытаются ответить география и история [Парк 1926: 2].

Возможно, многие люди до сих пор разделяют взгляды Р. Парка на географию и историю, пусть несколько наивные даже для того времени. Парк не предвидел, до какой степени география и история в последующие десятилетия будут интересоваться «типическим». В географии за послевоенной «количественной революцией», которая стремилась превратить эту отрасль знания в «пространственную науку», последовали, хотя и не вытеснили ее, гуманистический, марксистский, феминистский и другие «периоды» [Cresswell 2013]. Несмотря на множество различий, все основные направления гуманитарной географии, возникшие за последние 50–60 лет, занимались построением теории.

Парк являлся знаковой фигурой в урбанистике — области, которая весьма плодотворно пересекается с гуманитарной географией и также обладает чрезвычайно проработанной теорией. Согласно расчетам, произведенным в 2004 году, существует более 100 различных концепций, описывающих урбанистические про-

цессы [Taylor, Lang 2004]. С тех пор эта тенденция не ослабела. Результаты оказались неоднозначными, но, безусловно, возникло много важных концепций. Однако, как заметил Борегард, из виду может быть упущен «настоящий» город. «Дистанцируясь от реального опыта городов или же погружаясь в универсальные абстракции, городская теория всегда рискует утратить связь с городом» [Beauregard 2008: 242].

Подобная «утрата связи» с действительностью была выявлена почти столетие назад Дьюи в книге «Общество и его проблемы» (1954), а недавно вновь подверглась жесткой критике со стороны Б. Латура, о чем будет сказано ниже. Дьюи сетовал по поводу теорий, которые «выставляют под именем так называемых причин те явления, которые как раз и требуют объяснения». Такие подходы «...в лучшем случае объясняют все в общем и в целом и ничего в частности» [Дьюи 2002: 12].

Без нашего ведома и намерения термин «государство» незаметно втягивает нас в разбор логических взаимоотношений разнообразных идей, уводящий от фактов человеческой деятельности [Дьюи 2002: 11].

Замените «государство» на «город», и это предложение будет точно описывать большую часть современных урбанистических теорий. Возвращение к «фактам человеческой деятельности» — отправная точка акторно-сетевой теории (АСТ). Данная книга не является практическим приложением АСТ, а меня не следует считать приверженцем АСТ (АСТистом?)³, но я ценю уважение Латура к прагматическому подходу Дьюи и У. Липпмана [Marres 2005]⁴. В этом отношении я следую примеру многих

---

³ См. приложение.

⁴ Мнение, что Дьюи и Липпман были интеллектуальными антагонистами, разработавшими противоположные учения, широко распространено и растиражировано. С. Янсен убедительно доказала обратное, утверждая, что «эти два человека являлись союзниками, посвятившими себя общему делу: реформированию демократии применительно к современным условиям» [Jansen 2009: 222].

своих коллег, которые изучали, как гуманитарная география может извлечь пользу из взаимодействия с прагматизмом [Barnett, Bridge 2013; Cutchin 1999; Hepple 2008; Hobson 2006; Proctor 1998; Smith 1984; Wescoat 1992]. Особенно важным событием явился выпуск журнала «Геофорум», посвященный прагматизму. Его редакторы Н. Вуд и С. Смит [Wood, Smith 2008] дали превосходное определение прагматизма, включая следующую выдержку:

Прагматизм <...> поощряет непредубежденность и скептицизм по отношению к идеям, а также полемику о многообразии опыта различных сообществ, являющихся предметом изучения. Это философия взаимодействия, сама методика которой заключается в исследовании вероятности того, что существуют и другие, более эффективные способы познания мира и (взаимо)действия с ним <...> Прагматизм способствует открытости новым идеям, польза которых определяется в конечном счете практическим применением.

На данный момент я намерен просто принять стремление прагматизма не ставить телегу впереди лошади. В этой связи я нахожу, что специалисты в области общественных наук, начинающие исследование постсоветской России, вооружившись предвзятыми понятиями переходного периода, демократии, гражданского общества, глобализации, неолиберализма и других предполагаемых «социальных факторов», до некоторой степени «перепутали то, что нужно объяснять, с самим объяснением. Они начинают с общества или иных социальных образований, в то время как ими нужно заканчивать» [Латур 2014: 20]. Борегард отметил, что только немногие сегодня подходят к «теории как к логически обоснованной задаче, основанной на непосредственных доказательствах» [Beauregard 2008: 242]. Дьюи отстаивал именно такой подход: «Чтобы предпринять и провести плодотворное социальное исследование, необходим метод, основанный на соотношении наблюдаемых фактов и их результатов» [Дьюи 2002: 29]. Это именно то, что я пытаюсь здесь осуществить, и, должен сказать, это труднее, чем кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru